

ПИТОМНИК ГЕРОЕВ

МАКЕДОНСКИЙ ИНСТИТУТ «ЦАРСКИХ ЮНОШЕЙ»
В ЭПОХУ ФИЛИППА II И АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

А. А. КЛЕЙМЕНОВ

В статье рассматривается существовавшая в Македонии времен Филиппа II и Александра Великого система государственного обучения представителей элиты. Определяется, что она охватывала знатных македонян старшего подросткового возраста. Этот институт, официально именовавшийся «царские юноши», возник под влиянием практики державы Ахеменидов, где также предусматривалось обязательное пребывание знатной молодежи при дворе монарха для воспитания и обучения, совмещенных с охранной службой. Македонские «царские юноши», находясь при дворе Аргеадов, выступали своеобразными заложниками, гарантировавшими воздержание влиятельных родов от антиправительственных действий, а у самих молодых аристократов формировалось более лояльное отношение к царской власти. Благодаря этому Филипп решил важную задачу по увеличению контроля над элитой Верхней Македонии и обеспечил консолидацию страны. Еще одной функцией института было обеспечение подготовки управленческих кадров для нужд армии и государственного аппарата. Обучение «царских юношей» проходило на практике через их привлечение к охране царя, участию в охоте, боевых действиях, религиозных обрядах и пирах. Подобным образом воспитанники получали нужные для военной деятельности навыки, имели возможность наблюдать, как принимаются решения, связанные с руководством армией и административным управлением, ведутся международные переговоры, осуществляется межличностное взаимодействие в высших кругах государства Аргеадов. Отмечено, что главной целью привлечения молодых людей к обслуживанию царского быта выступало формирование у них дисциплинированности. С этим аспектом также были связаны наказания и поощрения, являвшиеся исключительной прерогативой самого монарха. В образова-

нии «царских юношей» присутствовала и общекультурная составляющая, заключающаяся в изучении философии, словесности и естествознания. Помощь в этом оказывали находившиеся при македонском царском дворе греческие интеллектуалы. Делается вывод об общей эффективности института, через который прошли многие известные личности, проявившие себя как выдающиеся военачальники в период Восточного похода Александра и в эпоху диадохов, а также продемонстрировавшие способность к литературному творчеству.

Формирование у подрастающего поколения личностных установок, знаний и навыков, позволяющих успешно влиться в общество и реализоваться во взрослой жизни, является делом чрезвычайно трудным. Полностью разделяя великий тезис К.Д. Ушинского, определившего педагогику как самое обширное и сложное из искусств¹, тем не менее подчеркнем, что особенно непростой задачей выступает целенаправленное взращивание будущего лидера. Даже в обществах далекого прошлого с их явным элитаризмом обусловленная генеалогией принадлежность к когорте избранных не избавляла от необходимости готовиться к выполнению функций управленца, который был способен принимать решения, связанные с различными сферами жизни социума, умел подбирать, направлять и контролировать команду подчиненных. Отдельно требовалось осваивать и роль военачальника, подразумевавшую необходимость осуществлять тактическое и стратегическое планирование, использовать различные подразделения на поле боя, ориентироваться в проблемах логистики, повышать моральный дух воинов и проявлять индивидуальную доблесть. Успешность усвоения знаний и навыков в данном случае определяла как жизненный успех самой личности, так и потенциал всего социального организма, что побуждало государства, ставившие перед собой особенно амбициозные задачи, принимать меры по упорядочиванию подготовки будущей элиты, получить представление о которых иногда за давностью лет весьма непросто.

Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся при обращении к бурному этапу македонской истории, связанному с деятельностью

¹ Ушинский (1950). С. 32.

Филиппа II и Александра Великого. При их дворах находилась особая группа молодежи, представители которой в грекоязычных источниках чаще всего называются просто παῖδες (Агг. *Anab.* IV. 12. 7; IV. 13. 1–2; Plut. *Alex.* 55; Diod. XVII. 66. 3; 76. 5), что может быть переведено как «мальчики» или «юноши», однако встречается и устойчивое сочетание «царские мальчики / юноши» (βασιλικῶν παῖδες, βασιλείων παῖδες, οἱ παῖδες τοῦ βασιλέως) (Агг. *Anab.* IV. 16. 6; Diod. XVII. 79. 4; ср. Diod. XVII. 36. 5; *Suda.* βασιλείων παῖδες). Римские авторы (Curt. V. 2. 13; VIII. 6. 7; 6. 24; 7. 8; X. 5. 8; 7. 16; Val. Max. III. 3 ext. 1) прибегают к таким понятиям, как *pueri*, *pueri regii* и *pueri nobiles*, являющимся близким переводом эллинского оригинала². Сравнительный анализ терминов позволяет полагать, что выражение βασιλικῶν παῖδες было полным официальным наименованием, в то время как слово παῖδες использовалось для обиходного обозначения³. Сколь-нибудь подробных сообщений о сути этого явления македонской придворной жизни мало. Так, Арриан, предвзято рассказывая о заговоре против Александра, организованном одним из παῖδες Гермолаем, указывает, что со времен Филиппа сыновья знатных македонян набирались для службы царю. Они лично прислуживали монарху, стояли на карауле, пока он спал, выводили к царю коня и помогали сечь верхом «на персидский манер» (τὸν Περσικὸν τρόπον), привлекались к охотничьим состязаниям (Агг. *Anab.* IV. 13. 1). Курций Руф также в начале повествования о заговоре называет устоявшимся обычаем (*mos erat*) отправку детей македонских аристократов к царю в услужение, отмечая их почти рабские обязанности. Упоминается охрана царских покоев ночью, доставка наложниц, подведение к монарху коня, сопровождение царя на охоте и в сражениях. Автор указывает на обученность юношей «всем свободным искусствам», а сам отряд называет подобием «питомника полководцев и наместников» (*seminarium ducum praefectorumque*) (Curt. VIII. 6. 2–6)⁴. Единственное сообщение, приуроченное ко временам Филиппа II, оставил Элиан. Согласно ему, этот царь брал

² Подробнее: Heckel (1986). P. 282.

³ Hammond (1990). P. 270.

⁴ Схожую по содержанию, но более краткую ремарку о данном институте Курций Руф приводит и в предыдущих разделах произведения (Curt. V. 1. 42).

в свиту сыновей знатных македонян не для унижения, как об этом говорили, а для того, чтобы они стали выносливыми в трудах (τῶν ἐναντίων καρτερικοὺς αὐτοὺς ἐκπονῶν) и показали готовность выполнять обязанности (ἐτοιμοὺς πρὸς τὸ τὰ δέοντα πράττειν ἀποφαίνων) (Ael. *VH.* XIV. 48). Подобное состояние источников вынуждает для получения относительно целостного представления об институте παιδῆς опираться на результаты комплексной проработки и развернутых, и кратких сообщений, задействуя при этом возможности сравнительно-исторического метода.

Первой проблемой, которую необходимо затронуть, является возраст молодежи, служившей при дворах македонских монархов. Для его характеристики Арриан использует уникальное выражение ὅσοι ἐξ ἡλικίαν ἐμειρακτεῖοντο (Aeg. *Anab.* IV. 13. 1), видимо, обозначающее период от начала полового созревания до возмужания⁵. Курций Руф называет находившихся при Александре отпрысков знати «взрослыми / окрепшими детьми» (*liberi adulti*) (Curt. V. 1. 42; VIII. 6. 2) или «юношами» (*iuvenes*) (Curt. VIII. 6. 8; 25; 7. 22). Эти маркеры, а также обязанности, подразумевавшие наличие определенной силы и сноровки, не дают возможности принять мнение о начале службы παιδῆς уже в 13–14 лет⁶. Видимо, корпус включал лиц старшего подросткового возраста до наступления 18–19 лет⁷. Соответственно, используемое в источниках понятие παιδῆς следует интерпретировать как «юноши», а не «мальчики», что вполне соответствует многозначности этой лексемы⁸.

Еще сложнее определить время и обстоятельства возникновения самого института. Одна группа специалистов, опираясь на указания Арриана и Элиана, приписывает создание корпуса βασιλικῆ παιδῆς Филиппу II⁹. Присутствует и иная позиция, подразумевающая зарождение обычая в более ранние периоды истории царства Ар-

⁵ Bosworth (1995). P. 91.

⁶ Подобные выводы: Berve (1926a). S. 36; Lane Fox (1973). P. 326; Hammond (1990). P. 266.

⁷ Heckel (1986). P. 283; Carney (2015). P. 209.

⁸ Подробнее: Golden (1985). P. 93–96.

⁹ Berve (1926a). S. 37; Ellis (1976). P. 161; Errington (1990). P. 222; Weber (2007). S. 235.

геадов¹⁰. Основано это мнение на сообщениях Курция Руфа (Curt. VIII. 6. 2) и Валерия Максима (Val. Max. III. 3. ext. 1) о давнем появлении службы молодежи македонскому монарху, весьма двусмысленных по своей сути¹¹, и неоднозначных сведениях об убийстве царя Археляя одним из его молодых приближенных (Arist. Pol. V. 1311b; Diod. XIV. 37. 6). В контексте проблемы происхождения института βασιλικῆ παιδείας нельзя обойти стороной информацию о схожем явлении в державе Ахеменидов. Так, Ксенофонт в «Анабасисе» упоминает воспитание сыновей высокопоставленных персов при царском дворе, где они, глядя на монарха, учились командовать и повиноваться, осваивали военное дело, стрельбу из лука, метание копья и искусство управления лошадью (Agt. Anab., I. 9. 3–5). Более подробный рассказ представлен тем же автором в «Киропедии», где отмечается, что в рамках государственного воспитания персидские мальчики сперва учатся нравственному поведению, знакомятся с использованием лука и дротиков, а после наступления шестнадцатилетия в течение 10 лет пребывают при царском дворе: несут охрану, сопровождают монарха на охоте, где привыкают к лишениям и упражняются во владении указанными видами оружия (Xen. Cyrop. I. 2. 6–12). Доступ к подобному образованию имели лишь сыновья достаточно богатых персов (Xen. Cyrop. I. 2. 15). Страбон упоминает проходившее с 5 до 24 лет обучение, во время которого молодые персы приучались к ограничениям, ходили с оружием по пересеченной местности, охотились верхом, соревновались в беге и других дисциплинах, получая за победы подарки от царя (Strab. XV. 3. 18). Конечно, полностью полагаться на указанные сообщения нельзя. Как известно, «Киропедия» по своей сути является философским трактатом, призванным не отразить исторические реалии, а представить образ идеального правителя и разумно организованную

¹⁰ Griffith (1979). P. 401; Hammond (1990). P. 264; Müller (2016). S. 34; King (2017). P. 114; Hatzopoulos (2020). P. 92.

¹¹ Не вполне понятно, что могли считать «давним» римские авторы в лице Курция Руфа, создавшего свой труд в I в. до н. э. (Zimmermann [1930]. S. 381–390; Milns [1966]. P. 506–507; Fugmann [1995]. S. 233–243), и Валерия Максима, чья писательская деятельность пришлась на первую половину того же столетия (Bloomer [1992]. P. 1; Mueller [2002]. P. 2).

страну¹². Сказалось это обстоятельство и на рассказе о персидском обучении, содержащем явные отсылки к практике Спарты¹³. Очерк Страбона, в свою очередь, имеет как признаки зависимости от «Киропедии», так и те же спартанские реминисценции, основанные, видимо, на материалах «Лакедемонской политики» Ксенофонта¹⁴. Впрочем, «спартанские корни» описаний нельзя и преувеличивать. Представленная Ксенофонтом персидская система обучения отличается от спартанских порядков возрастной структурой и движущей силой воспитания, которой у персов выступал пример, а не страх наказания¹⁵. Мало того, переданные Ксенофонтом и Страбоном сведения неплохо согласуются с замечанием Геродота об обучении персов с 5 до 20 лет верховой езде, стрельбе из лука и правдивости (Herod. I. 136), явно восходящем к информации из персидского лагеря и отражающем характерное для него противопоставление честных персов лживым эллинам¹⁶. Прослеживаемый в античном нарративе тезис об особой нацеленности персов на воспитание нравственности вполне может быть связан с установками зороастрийской этики¹⁷, а описанные приоритеты воинского обучения перекликаются с эпиграфическими и изобразительными материалами времен Ахеменидов, где прослеживается ориентация элиты на образ всадника и лучника¹⁸. Все это дает возможность не только считать персидскую систему обучения знатной молодежи при царском дворе исторически реальной, но и полагать, что античные писатели передали отдельные достоверные детали методов обучения¹⁹.

Безусловно, вывод, в соответствии с которым упоминаемое Аррианом подсаживание «юношами» македонского царя на коня «на персидский манер» (Arr. *Anab.* IV. 13. 1) было полностью заим-

¹² Tatum (1989). P. 225–239; Wiesehöfer (1996). P. 48–49.

¹³ Kroeker (2009). P. 206; Ferrario (2016). P. 63.

¹⁴ Charles (2012). P. 10.

¹⁵ См.: Tuplin (1994). P. 153–158; Humble (2004). P. 222.

¹⁶ Cartledge (2002). P. 365–366.

¹⁷ Griffith (2015). P. 23.

¹⁸ Wiesehöfer (1996). P. 83; Dusinger (2013). P. 246.

¹⁹ Не исключено, что и параллели между спартанской и персидской практиками изначально могли появиться из-за схожести отдельных элементов (Briant [2018]. P. 214).

ствованной у Ахеменидов церемонией²⁰, сомнителен из-за существования расхожего речевого оборота²¹, однако сам факт наличия в государстве Аргеадов и в Персии нехарактерных для Греции и при этом схожих институтов, в равной степени предусматривавших пребывание юных аристократов при монаршем дворе, привлечение их к охране и участию в царской охоте, не позволяет присоединиться к присутствующему в историографии мнению о простом совпадении²². Намного больше оснований говорить об усвоении Македонией опыта дальше продвинувшихся в имперском строительстве персов. Чаще всего специалисты связывают это заимствование с реформами Филиппа II²³. Иная позиция подразумевает перенимание персидского подхода к элитарному обучению в дофилипповское время, что достаточно хорошо соотносится с иными свидетельствами влияния практики Ахеменидов на отдельные аспекты бытования царства Аргеадов²⁴. Нельзя сбрасывать со счетов и возможность самостоятельного возникновения обычая в Македонии с последующим наслоением заимствованных у персов элементов²⁵. Отмеченная неоднозначность не является фатальной для понимания места βασιλικῆς παιδείας в македонском военно-политическом организме. Как справедливо констатировал В. Хеккель²⁶, подержанный и иными специалистами²⁷, если Филипп II и не выступил создателем системы, подразумевавшей привлечение знатных юношей к царскому двору, то явно придал ей новое звучание, соответствующее задачам, решавшимся македонским реформатором. С ними и были связаны функции института «царских юношей», сколь важные, столь и разнообразные.

²⁰ Kienast (1973). S. 29.

²¹ Bosworth (1995). P. 93.

²² Briant (1994). P. 298–306; Strootman (2014). P. 139.

²³ Kienast (1973). S. 265–266; Fredricksmeier (1982). P. 93; Weber (2007). S. 235; Anson (2013). P. 59.

²⁴ Stiles (2022). P. 4. Об обстоятельствах и формах ахеменидского влияния на Македонию также см.: Müller (2014). S. 224–242; Wieshöfer (2017). P. 58–62.

²⁵ Carney (2008). P. 146–147.

²⁶ Heckel (1986). P. 281.

²⁷ Bosworth (1995). P. 91; Anson (2013). P. 59; King (2017). P. 114.

Первая из них касалась одного из главных направлений внутренней политики Филиппа. Как давно прослеживается, указанный монарх приложил немало усилий для ликвидации самостоятельности знати Верхней Македонии и обеспечения контроля над людскими и земельными ресурсами этих территорий²⁸. Включение отпрысков верхнемакедонской аристократии в состав βασιλικῆς παιδείας, выявляемое посредством анализа сведений о происхождении лиц, занявших командные посты в эпоху Александра²⁹, было частью этой линии. Так, «юноши», по сути, выступали заложниками, гарантировавшими воздержание своих семей от антиправительственных действий³⁰. Помимо того, прибывание молодежи при дворе должно было сформировать у нее лояльное отношение к монарху³¹. Конечно, добиться последнего получалось не всегда. Заговор замыслившего цареубийство Геромолая, который и сам являлся «царским юношей», и нашел сочувствовавших в их среде (см. *Ant. Anab.* IV. 13. 3–4; *Curt.* VIII. 6. 7–9; *Plut. Alex.* 54), служит этому ярким свидетельством. Еще одна важная функция института βασιλικῆς παιδείας была обусловлена масштабными военными преобразованиями, давшими Филиппу возможность вывести вооруженные силы Аргеадов на принципиально иной количественный и качественный уровень. Речь идет об упоминаемой в античной письменной традиции образовательно-воспитательной составляющей, которая, согласно справедливому замечанию К. Кинг, позволяла удовлетворить потребность в командирах, значительно увеличившуюся из-за роста македонской военной активности³². Впрочем, понять, как была выстроена работа по возвращению будущей элиты, призванной вести за собой македонян на полях сражений и управлять ими в мирное время, весьма сложно.

Переходя к этой проблеме, нужно отметить, что возможность превращения служивших при дворе «юношей» в командиров обуславливалась, прежде всего, их знатным происхождением, так как

²⁸ Подробнее об этом см.: Bosworth (1971). P. 97–103; Ellis (1981). P. 40–42; Errington (1990). P. 42–43; Hammond (1994). P. 26–28.

²⁹ Heckel (2017). P. 70.

³⁰ См.: Weber (2007). S. 235; Carney (2008). P. 147; Nawotka (2010). P. 42; Müller (2016). S. 242; King (2023). P. 144.

³¹ Ellis (1981). P. 45; Cohen (2010). P. 130; Anson (2013). P. 60.

³² King (2017). P. 114.

значимые должности в государстве Аргеадов были доступны лишь представителям привилегированной группы «царских друзей»³³. Границы последней при Филиппе были раздвинуты, позволив включить в корпус βασιλικῶι παῖδες сыновей гетайров верхнемакедонского и даже греческого происхождения, однако это не привело к отмене сословного принципа как такового³⁴. Не вызывает сомнений то, что важное значение в подготовке «юношей» ко взрослой карьере имело само исполнение служебных обязанностей, которые были разноплановыми и включали в себя компоненты, как напрямую связанные с будущей ролью лидеров, так и к ней, казалось бы, отношения не имевшие. К последней составляющей относится бытовое обслуживание царской особы, не ограничивавшееся подведением коня и доставкой наложниц. Судя по имеющимся данным, «юноши» также могли отвечать за подготовку всего необходимого для царского омовения и ужина (Diod. XVII. 36. 5), помогали во время жертвоприношений (Val. Max. III. 3. ext. 1). Должны были βασιλικῶι παῖδες прислуживать монарху и во время пиров³⁵. Вероятно, они вместе с царем участвовали в спортивных развлечениях. На этот вывод наталкивает сообщение Плутарха о наличии неких «юношей» (νεανίσκων), игравших с Александром в мяч (Plut. *Alex.* 39), которое, прочем, может содержать и искаженную информацию³⁶.

Важная часть службы βασιλικῶι παῖδες была связана с царской охотой, привлечение к которой позволяло молодежи принять участие в привилегированном мероприятии македонской аристократии³⁷. О том, что «юноши» задействовались именно в добыче зверя и не были просто свитой обслуги, говорит происшествие с будущим заговорщиком Гермолаем, имевшим оружие и наказанным за убийство предназначенного Александру кабана (Arr. *Anab.* IV. 13. 2; Curt.

³³ Naiden (2021). P. 131–132.

³⁴ Heckel (1986). P. 284.

³⁵ Sawada (2010). P. 401; Pownall (2010). P. 63; Carney (2015). P. 210.

³⁶ Вполне оправданные сомнения вызывает присутствующее в сообщении явно анахроничное имя Серапион (Berve [1926b]. S. 352–353). Тем не менее вывод о принадлежности упомянутых молодых игроков к категории сопровождавших армию профессиональных спортсменов (Hamilton [1969]. P. 103) следует признать малообоснованным.

³⁷ Müller (2010). P. 27.

VIII. 6. 7–8). Мало того, активность παῖδες на охоте поощрялась. Об этом свидетельствует отмеченное Аррианом участие «юношей» в охотничьих состязаниях (Arr. *Anab.* IV. 13. 1), хорошо перекликающееся с информацией Плутарха о склонности Александра организовывать подобные соревнования, связанные, судя по контексту сообщения, с наградами (Plut. *Alex.* 4). Очевидно, доступны призы были и «юношам». Благодаря Страбону известно, что сходным образом отличившихся воспитанников поощряли персидские цари (Strab. XV. 3. 18). Проявлять большое и даже чрезмерное усердие на охоте служившая при дворе молодежь могла и по иным мотивам. Как указано в переданном Афинеем сообщении Гегесистрата, у македонян убийство копыем кабана выступало важным личным достижением, позволявшим возлечь, а не сидеть за пиршественным столом (Athen. I. 18a). Видимо, со стремлением соответствовать этому критерию инициации был связан опрометчивый поступок Гермолая³⁸.

Третья группа обязанностей «царских юношей» имела уже прямое отношение к воинской службе. Речь идет о функции охраны царской особы, известной не только по замечаниям Арриана и Курция Руфа о ночном карауле, но и из терминологического нюанса сообщений Диодора и Курция Руфа о прибытии к Александру подкреплений из Европы после битвы при Гавгамелах. Как отмечается, тогда войско пополнили 50 сыновей македонских аристократов, которых первый автор называет будущими «телохранителями» (τῆν σωματοφύλακίαν) (Diod. XVII. 65. 1), а второй обозначает латинским термином *custodiam corporis* (Curt. V. 1. 42). Близость сведений, безусловно, связана с опорой на общий ранний источник³⁹. Применяемая в данном случае лексика позволяет принять вывод В. Хеккеля об использовании понятия σωματοφύλαξ как альтернативного наименования παῖδες⁴⁰. Это свидетельствует о приоритетности охранных функций «юношей». Вместе с тем жизнь царя не была полностью вверена в руки молодежи. Сообщения об особой роли Птолея и Леонната в раскрытии заговора Гермолая (см. Arr. *Anab.* IV. 13. 7; Curt. VIII. 6. 22) показывают, что караульную службу παῖδες курировали представители элитной группы σωματοφύλακες из

³⁸ Briant (1994). P. 306; Carney (2015). P. 269.

³⁹ Hammond (1983). P. 129–130; Atkinson (1994). P. 48–49.

⁴⁰ Heckel (1986). P. 282.

семи особо близких к монарху лиц⁴¹. При необходимости участвовали «юноши» и в битвах, о чем известно не только из ремарки Курция Руфа о сопровождении ими царя в сражении (Curt. VIII. 6. 4), но и из отдельных эпизодов времен Восточного похода и войн диадохов. Так, Арриан рассказывает об участии нескольких «царских юношей» в отражении набега сил Спитамена на Бактрию (Агг. *Anab.* IV. 16. 6), передавая в данном случае информацию Аристобула⁴² или Птолемея⁴³. Диодор, подробно описывающий диспозиции армий Эвмена и Антигона в битве при Паретакене благодаря опоре на сочинение Иеронима Кардийского⁴⁴, сообщает о присутствии в передовых порядках первого полководца двух конных отрядов «юношей Эвмена» из 50 воинов каждый (Diod. XIX. 28. 3) и размещения Антигоном в авангарде трех ил его *παῖδες* (Diod. XIX. 29. 5). Косвенно подтверждает информацию о службе «юношей» в коннице и рассказ Арриана о наказании Гермолая, по приказу Александра не только высеченного, но и лишённого коня (Агг. *Anab.* IV. 13. 2).

Столь обширный перечень обязанностей и, соответственно, плотная занятость βασιλικῆς *παῖδες* не оставляют сомнений в прохождении основной части их подготовки через непосредственное участие в военных кампаниях, административных и дипломатических процедурах⁴⁵. Из-за сочетания со службой обучение македонской знати, в противовес греческому элитарному образованию, было бесплатным⁴⁶. Наличие подхода, подразумевающего освоение ремесла воина и командира через служение, сближало институт «царских юношей» со средневековой европейской системой аристократического обучения, побудив большое количество исследователей называть *παῖδες* «пажами». Конечно, подобное терминологическое отождествление весьма условно и справедливо критикуется в современной литературе⁴⁷, однако было бы неправильно вовсе отказаться от опоры на явные пересечения и аналогии для лучшего по-

⁴¹ Strootman (2014). P. 140; King (2023). P. 145–146.

⁴² Bosworth (1995). P. 114–115.

⁴³ Щеглов (2006). С. 299.

⁴⁴ См. Hornblower (1981). P. 109–110; Anson (2004). P. 186.

⁴⁵ Müller (2016). S. 34

⁴⁶ Cohen (2010). P. 131.

⁴⁷ Carney (2008). P. 145; Müller (2016). S. 242.

нимания механизмов функционирования института «царских юношей». Так, определяя обучающее значение пребывания македонской молодежи в ставке монарха, нужно отметить большую роль непосредственного наблюдения за царем и его соратниками и, соответственно, знакомства с тем, как ведется руководство армией на марше и в бою, решаются вопросы административного управления, проходят религиозные церемонии и международные переговоры, осуществляется общение на пирах. Аналогичным образом исполнение оруженосцами роли слуг рыцарей и постоянное наблюдение на ними как за моделью поведения в средневековой Европе считалось естественным этапом на пути обретения нужного для благородного воина набора качеств и умений⁴⁸. Не менее важным было регулярное привлечение «юношей» к занятию охотой, которая для взрослых македонских аристократов выступала заменой войны в мирный период, а для молодежи стала способом формирования воинских навыков⁴⁹. Ксенофонт и на персидском материале (*Xen. Cyrop.* I. 2. 10), и в особом тематическом сочинении (*Xen. Cyneg.* 12) подчеркивал большое значение охоты для физического развития и закаливания молодых людей, приучения их к походам и исполнению приказов. Одновременно с этим охота способствовала установлению нужных социальных связей⁵⁰, а значит, облегчала для παιδες вхождение в мир элиты. Нельзя игнорировать и еще один важный нюанс: как отмечается на примере средневековых аристократов, к последствиям занятия охотой относились развитие храбрости и формирование стратегического мышления⁵¹.

Сквозной линией подготовки βασιλικῆ παιδες выступало приращивание дисциплины. Теснее всего с воинскими обязанностями «юноши», конечно, знакомились при несении охраны монарха под надзором со стороны статусных σωματοφύλακες, однако свой вклад вносило даже обеспечение царского быта, что было верно отмечено Элианом (*Ael. VH. XIV. 48*)⁵², связавшим придворную службу

⁴⁸ Karras (2002). P. 29.

⁴⁹ Cohen (2010). P. 130.

⁵⁰ См.: Almagor (2021). P. 1113.

⁵¹ Orme (1984). P. 210.

⁵² Не исключено, что источником сведений в этом случае выступило сочинение Феопомпа, современника Филиппа II (Hammond [1990]. P. 264).

«юношей» с развитием выносливости и готовности выполнять приказы. Подобный путь прививания дисциплины не следует считать архаичным и неэффективным. Об особой роли разнообразной повседневной трудовой деятельности в воспитании личного состава говорит и современная военная педагогика⁵³. Для приучения молодежи к дисциплине была внедрена практика жестких наказаний. Помимо Гермолая, поплатившегося за убийство «царского» кабана, можно вспомнить участь Афтонета, висеченного по решению Филиппа за покидание воинского строя, и печальную судьбу Архедама, казненного за нарушение приказа не снимать оружия (см. Ael. *VH.* XIV. 48). Структура повествующего об этом сообщения Элиана позволяет полагать, что речь шла о «царских юношах»⁵⁴. Данные сведения подтверждают информацию Курция Руфа о назначении физических наказаний воспитанников именно по решению царя (Curt. VIII. 6. 5). Подобный принцип отмечал факт службы βασιλικῆ τοῖδε самому монарху, а также позволял щадить гордость отпрысков знатных семей, на которых взыскание накладывал правитель, а не кто-либо из его подданных. В случае с Гермолаем уязвленное чувство собственного достоинства перевесило обозначенные нюансы. Подробно не останавливаясь на глубинных причинах заговора «царских юношей», весьма часто рассматриваемых в научной литературе⁵⁵, обратим внимание на интересную версию Э. Карни, объяснившую острую реакцию Гермолая и его друзей на вполне заурядное для института τοῖδε событие применением не македонского, а перенятого у персов обычая, предоставляющего монарху приоритет в добыче зверя⁵⁶. Еще одним усугубляющим фактором мог стать приказ Александра лишить Гермолая коня. Подобное действие и в этом, и в других известных случаях (Curt. VII. 1. 15), очевидно, воспринималось как покушение на аристократический статус⁵⁷. Эпизод с заговором не следует считать признаком полного провала мер, нацеленных на прививание дисциплины. В нашем рас-

⁵³ Микрюков (2019). С. 153; Алехин (2025). С. 209–210.

⁵⁴ Müller (2010). P. 27; Sawada (2010). P. 404.

⁵⁵ Например: Bosworth (1996). P. 112–113; Heckel (2003). P. 223–224; Anson (2013). P. 170–171; Ковалев (1948). С. 36–42.

⁵⁶ Carney (2008). P. 152–155.

⁵⁷ См. Müller (2010). P. 30; Anson (2022). P. 20.

поряжении есть и обратный пример, приведенный Валерием Максимом, согласно которому помогавший Александру при жертвоприношении «юноша» проявил поразительную стойкость: получив сильный ожог руки из-за упавшего уголька, он молча продолжал держать курильницу (Val. Max. III. 3. ext. 1). Видимо, в воспитательных целях применялись не только взыскания, но и поощрения. Сделать вывод об этом позволяют уже упомянутые выше награды за охотничьи успехи и аналогии с весьма характерным для Филиппа II и его сына материальным стимулированием представителей армии⁵⁸. Главным же положительным мотивом для «царских юношей», конечно, была возможность выделиться и добиться важного для дальнейшей карьеры монаршего благоволения.

Особой проблемой является выявление общекультурных и фундаментально-теоретических компонентов образования παιδες. Об этом аспекте сообщает лишь Курций Руф, приписывающий «царским юношам» владение «всеми свободными искусствами» (*omnes artibus studiorum liberalium*) (Curt. VIII. 6. 4), однако признать достоверной эту информацию нельзя⁵⁹. Сейчас мало сомнений в том, что категория *liberalia studia* возникла в Риме не ранее I в. до н.э. под влиянием греческих педагогических воззрений, но в классическое и эллинистическое время близких аналогов указанному понятию не имелось⁶⁰. Это позволяет оценить указание Курция Руфа как появившееся в результате романизации македонских реалий IV в. до н.э., для его произведения весьма характерной⁶¹. Судить о выходящих за границы военно-прикладной сферы аспектах образования βασιλικῆ παιδες можно лишь на основании косвенных данных. Сюда относится информация о тесном общении Гермолая и других заговорщиков с Каллисфеном (Plut. *Alex.* 55; Curt. VIII. 6. 27; 7. 3), исходя из которой предполагается, что последний был одним из учителей «юношей»⁶² или выступал главным

⁵⁸ Например: Diod. XVI. 53. 3; XVI. 75. 4; XVII. 89. 3; XIX. 14. 5; Arr. *Anab.* II. 12. 1; III. 16. 11; VI. 30. 2–3; VII. 5. 4–6; VII. 6. 3; Plut. *Alex.* 79; Curt. VI. 11. 1; IX. 1. 6.

⁵⁹ Иное мнение см.: Hammond (1990). P. 268; Strootman (2014). P. 141.

⁶⁰ Tubbs (2014). P. 25–36; Адо (2002). С. 58–67.

⁶¹ См. Baynham (1998). P. 15–16; Pausch (2016). S. 77–78.

⁶² Berve (1926b). S. 197; Hammond (1990). P. 268; Carney (2008). P. 150.

наставником, курирующим общекультурную подготовку⁶³. Второй блок сведений связан с образованием самого Александра и его друзей-сверстников, весьма подробно описанным Плутархом (Plut. *Alex.* 5. 7–8; *Moral.* 179d–e). Исследование его сообщений и иных фрагментов нарративной традиции (Арг. *Anab.* I. 9. 10; Strab. XIII. 1. 27; Ps.-Call. I. 12; Dio Chrys. IV. 39; Diog. Laert. V. 1. 2; Aul. Gell. XX, 5) позволяет сделать вывод об изучении Александром грамматики, литературы, философии, риторики, музыки, медицины, ботаники и зоологии⁶⁴. Список учителей македонского царевича включал не только великого Аристотеля и был достаточно обширен, чтобы существовать в древности в виде отдельного документа⁶⁵. Конечно, образование, полученное юным Александром и его друзьями, могло отличаться от подготовки обычных «царских юношей»⁶⁶, однако факт присутствия и в последующую эпоху принципа, подразумевающего многокомпонентное обучение аристократов несколькими учителями, игнорировать нельзя. Как известно, в эллинистических монархиях с отпрысками правящей династии и «юношами» работали разнообразные специалисты, в том числе и настоящие светила научно-культурной жизни⁶⁷. Следует полагать, что βασιλικῆ παιδείᾳ эпохи поздних Аргеадов также получали образование, в котором помимо военно-практической составляющей присутствовали компоненты, связанные с философией, словесностью и естествознанием. Обрести нужные знания «юноши» могли благодаря взаимодействию с греческими интеллектуалами, являвшимися частью македонской дворцовой среды времен Филиппа и Александра⁶⁸.

Конечно, из-за особенностей источников многие аспекты бытования παιδείᾳ остаются загадкой. В частности, нет сведений о размере контингента «юношей», что обусловило большую вариативность присутствующих в историографии мнений, в соответствии с которыми численность βασιλικῆ παιδείᾳ определяется в диапазоне

⁶³ Strootman (2014). P. 141.

⁶⁴ Hamilton (1965). P. 119; Worthington (2004). P. 35; Thomas (2007). P. 196–197; Нефёдкин (2000). С. 11–12.

⁶⁵ Djurslev (2022). P. 243.

⁶⁶ Cohen (2010). P. 131.

⁶⁷ Strootman (2014). P. 141–142.

⁶⁸ Sawada (2010). P. 405.

от 50 до 200 человек⁶⁹. Не вполне понятна и дальнейшая судьба лиц, покидавших ряды воспитанников. Согласно разным предположениям, они переходили в конницу гетайров⁷⁰, пополняли состав «царских гипаспистов», выступавших элитной пешей охраной монарха⁷¹, временно служили в легкой кавалерии продромов⁷² или же продолжали карьерный путь при отсутствии четких правил распределения⁷³. Вместе с тем необходимо констатировать, что корпус «царских юношей» действительно стал главным поставщиком командных кадров для македонской армии. С данным обстоятельством может быть связано выдвижение в эпоху Александра на ведущие позиции в войске и государственном аппарате в основном представителей Верхней Македонии, чья особая близость к монарху обуславливалась пребыванием в статусе *παῖδες*⁷⁴. Нельзя не затронуть и качество подготовки выпускников учреждения, конечно, не соответствовавшего современным критериям понятия «школа»⁷⁵, но превратившегося в весьма влиятельное социокультурное явление. Без сомнения, в статусе «царских юношей» при дворе Филиппа II возмужали такие военачальники, как Кратер, Пердикка, Птолемей Лаг, Гепестсион, Лисимах и Леоннат, ставшие видными соратниками завоевателя Азии, а в некоторых случаях и владыками новых эллинистических царств⁷⁶. Сам факт того, что из бывших *βασιλικῶν παῖδων* сформировалась целая плеяда полководцев и управленцев, выступает доказательством эффективности института⁷⁷. Мало того, многие из выросших при дворе сподвижников Александра демонстрировали склонность к интеллектуальной деятельности, побуждавшую во время азиатской экспедиции вести записи, интересоваться

⁶⁹ Heckel (1986). P. 282; Hammond (1990). P. 266; Carney (2008). P. 147.

⁷⁰ Hammond (1990). P. 266; Thomas (2007). P. 147.

⁷¹ Heckel (1986). P. 288.

⁷² Hatzopoulos (2001). P. 35–36.

⁷³ Reames (2024). P. 184.

⁷⁴ Heckel (2017). P. 70.

⁷⁵ Strootman (2014). P. 140.

⁷⁶ См.: Griffith (1979). P. 401–402; Thomas (2007). P. 146; Sawada (2010). P. 404.

⁷⁷ Müller (2016). S. 34.

ся культурой и природой далеких стран⁷⁸. Согласно справедливому замечанию Н. Савады, ярким свидетельством хорошей гуманитарной подготовки παιδες являются достижения Птолемея Лага и Марсия на писательском поприще⁷⁹. Данный перечень может быть дополнен и Неархом, который, видимо, также провел отрочество в статусе «царского юноши»⁸⁰, а после смерти Александра создал сочинение, где продемонстрировал прекрасное знакомство с разными пластами эллинской литературной традиции⁸¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что македонский институт βασιλικῶι παιδες, появившийся, очевидно, в результате перенимания персидского подхода к обучению молодых аристократов, внес весомый вклад в успешное решение важных задач, стоявших перед поздними Аргеадами. Распространение службы при царском дворце на отпрысков верхнемакедонской знати позволило снизить сепаратистские настроения и обеспечить консолидацию страны. Процесс воспитания и обучения «царских юношей» был тесно связан с обязанностями, подразумевавшими бытовое обслуживание монарха и его охрану, присутствие на пирах, участие в охоте и боевых действиях. Это дало молодежи возможность на практике получить представления о военном и гражданском руководстве, дипломатических процедурах, принципах общения македонской элиты, развить навыки обращения с оружием, выносливость и дисциплинированность. Имелся в обучении παιδες и общекультурный блок, усвоение которого в итоге способствовало интеллектуальному развитию и наделяло имиджевыми преимуществами. Подобный подход к элитарному образованию обеспечил македонскую армию и государство руководящими кадрами и, несомненно, внес свой вклад в успешную реализацию военно-политических амбиций Филиппа II и Александра Великого.

Материал поступил в редакцию 24.02.2026.

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
20.03.2026.*

⁷⁸ Nawotka (2010). P. 42.

⁷⁹ Sawada (2010). P. 405.

⁸⁰ Ellis (1976). P. 162.

⁸¹ Pearson (1960). P. 140–144; Bucciantini (2015). P. 125–137.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Almagor, E. (2021) “Hunting and Leisure Activities”, in B. Jacobs, R. Rollinger, eds. *A Companion to the Achaemenid Persian Empire. Vol. 2*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 1107–1120. DOI: 10.1002/9781119071860.ch77
- Anson, E.M. (2004) *Eumenes of Cardia: a Greek among Macedonians*. Boston – Leiden: Brill.
- Anson, E.M. (2013) *Alexander the Great: Themes and Issues*. London – New York: Bloomsbury.
- Anson, E.M. (2022) “Philip and Alexander and the Nature of Their Personal Kingship”, in F. Pownall, S.R. Asirvatham, S. Müller, eds. *The Courts of Philip II and Alexander the Great: Monarchy and Power in Ancient Macedonia*. Berlin – Boston: De Gruyter, 17–31. DOI: 10.1515/9783110622942-003
- Atkinson, J.E. (1994) *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 5 to 7.2*. Amsterdam: Adolf Hakkert.
- Baynham, E. (1998) *Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Berve, H. (1926a) *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I*. München: Beck.
- Berve, H. (1926b) *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II*. München: Beck.
- Bloomer, W.M. (1992) *Valerius Maximus and the Rhetoric of the New Nobility*. London: Duckworth.
- Bosworth, A.B. (1995) *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 2. Commentary on books IV-V*. Oxford: Oxford University Press.
- Bosworth, A.B. (1996) *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*. Oxford: Clarendon Press.
- Bosworth, A.B. (1971) “Philip II and Upper Macedonia”, *Classical Quarterly*, 21(1), 93–105. DOI: 10.1017/S0009838800028822
- Briant, P. (2018) *From Cyrus to Seleukos: Studies in Achaemenid and Hellenistic History*. Irvine: Jordan Center for Persian Studies.
- Briant, P. (1994) “Sources gréco-hellénistiques, institutions perses et institutions macédoniennes: continuités, changements et bricolages”, in A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg, M.C. Root, eds. *Achaemenid History Vol. VII: Continuity and Change*. Leiden: Nederlands Instituut Voor het Nabije Oosten, 283–310.
- Bucciantini, V. (2015) *Studio su Nearco di Creta. Dalla descrizione geografica alla narrazione storica*. Alessandria: Edizioni dell' Orso.
- Carney, E.D. (2015) *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea: The Classical Press of Wales.

- Carney, E.D. (2008) “The Role of the Basilikoi Paides at the Argead Court”, in T. Howe, J. Reames, eds. *Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza*. Claremont: Regina Books, 145–164. DOI: 10.2307/J.CTVVN99T.15
- Cartledge, P., Greenwood, E. (2002) “Herodotus as a Critic: Truth, Fiction, Polarity”, in E.J. Bakker, I. De Jong, H. Van Wees, eds. *Brill’s Companion to Herodotus*. Leiden – Boston – Köln: Brill, 351–371.
- Charles, M.B. (2012) “The Persian ΚΑΡΔΑΚΕΣ”, *The Journal of Hellenic Studies*, 132, 7–21. DOI: 10.1017/S007542691200002X
- Cohen, A. (2010) *Art in the Era of Alexander the Great. Paradigms of Manhood and Their Cultural Traditions*. Cambridge – New York: Cambridge University Press.
- Djurslev, C.T. (2022) “Educating Alexander: High Culture in the Argead Court through Ancient Texts”, in F. Pownall, S.R. Asirvatham, S. Müller, eds. *The Courts of Philip II and Alexander the Great: Monarchy and Power in Ancient Macedonia*. Berlin – Boston: De Gruyter, 233–251. DOI: 10.1515/9783110622942-013
- Dusinberre, E.R.M. (2013) *Empire, Authority, and Autonomy in Achaemenid Anatolia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ellis, J.R. (1976) *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton: Princeton University Press.
- Ellis, J.R. (1981) “The Unification of Macedonia”, in M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos, eds. *Philip of Macedon*. London: Heinemann, 36–47.
- Errington, R.M. (1990) *A History of Macedonia*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press.
- Ferrario, S.B. (2016) “Xenophon and Greek Political Thought”, in M.A. Flower, ed. *The Cambridge Companion to Xenophon*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 57–83. DOI: 10.1017/9781107279308.006
- Fredricksmeyer, E.A. (1982) “On the Final Aims of Philip II”, in W.L. Adams, E.N. Borza, eds. *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage*. Washington: University Press of America, 85–98.
- Fugmann, J. (1995) “Zum Problem der Datierung der “Historiae Alexandri Magni” des Curtius Rufus”, *Hermes*, 123(2), 233–243.
- Golden, M. (1985) “Pais, «child» and «slave»”, *L’antiquité classique*, 54, 91–104. DOI: 10.3406/antiqu.1985.2143
- Griffith, G.T. (1979) “The Reign of Philip the Second”, in Hammond N.G.L., Griffith G.T. *A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*. Oxford: Clarendon Press, 201–646.
- Griffith, M. (2015) “Origins and Relations to the Near East”, in W.M. Bloomer,

- ed. *A Companion to Ancient Education*. Oxford: Wiley-Blackwell, 7–25. DOI: 10.1002/9781119023913
- Hamilton, J.R. (1965) “Alexander’s Early Life”, *Greece and Rome, Second Series*, 12(2), 117–124. DOI: 10.1017/S001738350001528X
- Hamilton, J.R. (1969) *Plutarch, Alexander. A Commentary*. Oxford: Clarendon Press.
- Hammond, N.G.L. (1980) *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*. Park Ridge: Noyes Press.
- Hammond, N.G.L. (1983) *Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hammond, N.G.L. (1990) “Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during Period of the Temenid Monarchy”, *Historia*, 39(3), 261–290.
- Hammond, N.G.L. (1994) *Philip of Macedon*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Hatzopoulos, M.B. (2001) *L’organisation de l’armée macédonienne sous les Antigonides*. Athènes: De Boccard.
- Hatzopoulos, M.B. (2020) *Ancient Macedonia*. Berlin – Boston: De Gruyter.
- Heckel, W. (1986) ““Somatophylakia”: A Macedonian “Cursus Honorum””, *Phoenix*, 40(3), 288–292. DOI: 10.2307/1088844
- Heckel, W. (2003) “King and “Companions”: Observations on the Nature of Power in the Reign of Alexander”, in J. Roisman, ed. *Brill’s companion to Alexander the Great*. Leiden – Boston: Brill, 197–225. DOI: 10.1163/9789004217553_009
- Heckel, W. (2017) “Geography and Politics in Argead Makedonia”, in S. Müller, T. Howe, H. Bowden, R. Rollinger, eds. *The History of the Argeads: New Perspectives*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 67–78. DOI: 10.2307/j.ctvbc2nw.8
- Hornblower, J. (1981) *Hieronymus of Cardia*. Oxford: Oxford University Press.
- Humble, N. (2004) “The Author, Date and Purpose of Chapter 14 of the Lakedaimonion Politeia”, in C. Tuplin, ed. *Xenophon and His World: Papers from a Conference Held in Liverpool in July 1999*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 215–228.
- Karras, R.M. (2002) *From Boys to Men: Formations of Masculinity in Late Medieval Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Kienast, D. (1973) *Philipp II. von Makedonien und das Reich der Achamieniden*. München: Wilhelm Fink.

- King, C.J. (2017) *Ancient Macedonia*. London – New York: Routledge.
- King, C.J. (2023) “Guarding the Macedonian King: Royal Servitude, Political Jockeying, and Regicide”, in M. Hebblewhite, C. Whately, eds. *Brill’s Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden – Boston: Brill, 128–153. DOI: 10.1163/9789004527683_008
- Kroeker, R. (2009) “Xenophon as a Critic of the Athenian Democracy”, *History of Political Thought*, 30(2), 197–228.
- Lane Fox, R. (1973) *Alexander the Great*. London: Folio Society.
- Milns, R.D. (1966) “The Date of Curtius Rufus and the “Historiae Alexandri””, *Latomus*, 25(3), 490–507.
- Mueller, H.-F. (2002) *Roman Religion in Valerius Maximus*. London – New York: Routledge.
- Müller, S. (2010) “In the Shadow of His Father: Alexander, Hermolaus, and the Legend of Philip”, in E. Carney, D. Ogden, eds. *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford: Oxford University Press, 25–32.
- Müller, S. (2014) *Alexander, Makedonien und Persien*. Berlin: Trafo.
- Müller, S. (2016) *Die Argeaden. Geschichte Makedoniens bis zum Zeitalter Alexanders des Grossen*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Naiden, F.S. (2021) “The Organization of Greek Armies”, in W. Heckel, F.S. Naiden, E.E. Garvin, J. Vanderspoel, eds. *A Companion to Greek Warfare*. Hoboken: Wiley Blackwell, 119–136. DOI: 10.1002/9781119438847.ch9
- Nawotka, K. (2010) *Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Orme, N. (1984) *From Childhood to Chivalry The Education of the English Kings and Aristocracy 1066–1530*. London – New York: Methuen.
- Pausch, D. (2016) “Alexander in der Toga? Techniken der Aktualisierung bei Curtius Rufus zwischen delectare und prodesse”, in H. Wulfram, ed. *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 73–98.
- Pearson, L. (1960) *The Lost Histories of Alexander the Great*. New York: American Philological Association.
- Pownall, F. (2010) “The Symposia of Philip II and Alexander III of Macedon: The View from Greece”, in E. Carney, D. Ogden, eds. *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford: Oxford University Press, 55–65.

- Reames, J. (2024) “Court and Companions”, in D. Ogden, ed. *The Cambridge Companion to Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 179–212. DOI: 10.1017/9781108888349.012
- Sawada, N. (2010) “Social Customs and Institutions: Aspects of Macedonian Elite Society”, in J. Roisman, I. Worthington, eds. *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford: Wiley-Blackwell, 392–408. DOI: 10.1002/9781444327519
- Stiles, J. (2022) *Alexander the Great and Persia: From Conqueror to King of Asia*. Barnsley – Philadelphia: Pen and Sword History.
- Strootman, R. (2014) *Courts and Elites in the Hellenistic Empires: The Near East After the Achaemenids, c. 330 to 30 BCE*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Tatum, J. (1989) *Xenophon’s Imperial Fiction: On The Education of Cyrus*. Princeton: Princeton University Press.
- Thomas, C.G. (2007) *Alexander the Great in his World*. Oxford: Blackwell.
- Tubbs, N. (2014) *Philosophy and Modern Liberal Arts Education: Freedom is to Learn*. London: Palgrave Macmillan.
- Tuplin, C. (1994) “Xenophon, Sparta and Cyropaedia”, in A. Powell, S. Hodkinson, eds. *The Shadow of Sparta*. London – New York: Routledge, 127–181.
- Weber, G. (2007) “Der Hof Alexanders des Großen als soziales System”, *Saeculum*, 58(2), 229–264. DOI: 10.7788/saeculum.2007.58.2.229
- Wiesehöfer, J. (1996) *Ancient Persia: from 550 BC to 650 AD*. London – New York: I.B. Tauris.
- Wiesehöfer, J. (2017) “The Persian Impact on Macedonia: Three Case Studies”, in S. Müller, T. Howe, H. Bowden, R. Rollinger, eds. *The History of the Argeads: New Perspectives*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 57–64. DOI: 10.2307/j.ctvbc2nw.7
- Worthington, I. (2004) *Alexander the Great: Man and God*. Harlow: Pearson Longman.
- Zimmermann, R. (1930) “Die Zeit des Geschichtschreibers Curtius Rufus”, *Rheinisches Museum für Philologie*, 79, 381–390.
- Адо, И. (2002) *Свободные искусства и философия в античной мысли*. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. [Ado, I. (2002) *Svobodnye iskusstva i filosofiya v antichnoj mysli*. М.: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina].
- Алехин, И.А. (2025), ред, *Военная педагогика: учебник для вузов*. М.: Юрайт. [Alekhin, I.A. (2025), red, *Voennaya pedagogika: uchebnik dlya vuzov*. М.: Yurajt].

- Ковалев, С.И. (1948) «Заговор «пажей»», *Вестник древней истории*, 1, 34–42. [Kovalev, S.I. (1948) «Zagovor «pazhej»», *Vestnik drevnej istorii*, 1, 34–42].
- Микрюков, В.Ю. (2019) *Военная педагогика: учебник*. М.: КНОРУС. [Mikryukov, V.Yu. (2019) *Voennaya pedagogika: uchebnik*. М.: KNORUS].
- Нефёдкин, А.К. (2000) «Научил ли Аристотель военному делу Александра?», *Para bellum: Военно-исторический журнал*, 10, 11–22. [Nefedkin, A.K. (2000) «Nauchil li Aristotel' voennomu delu Aleksandra?», *Para bellum: Voенno-istoricheskij zhurnal*, 10, 11–22].
- Ушинский, К.Д. (1950) *Собрание сочинений. Том 8. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 1*. М. – Л.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР. [Ushinskij, K.D. (1950) *Sobranie sochinenij. Tom 8. Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii. Tom 1*. М. – L.: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR].
- Щеглов, Д.А. (2006) «Кочевые народы средней Азии по сведениям историков Александра Македонского», *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*, II(XXVII), 276–316. [Shcheglov, D.A. (2006) «Kochevye narody srednej Azii po svedeniyam istorikov Aleksandra Makedonskogo», *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossijskogo arheologicheskogo obshchestva*, II(XXVII), 276–316].

THE NURSERY OF HEROES

MACEDONIAN INSTITUTE OF “ROYAL YOUTHS” IN THE AGE OF PHILIP II AND ALEXANDER THE GREAT

Alexander KLEYMEONOV

The article examines the system of state-sponsored education for members of the elite that existed in Macedonia during the reigns of Philip II and Alexander the Great. It is shown that this system was intended for noble Macedonians of late adolescent age. This institution, officially known as the “royal youths,” emerged under the influence of practices in the Achaemenid Empire, where the noble youth were likewise required to reside at the royal court for upbringing and education combined with guard service. Serving at the Argead court, the Macedonian “royal youths” effectively functioned as hostages. Their presence discouraged influential families from anti-government actions and fostered loyalty to royal authority among the young aristocrats. Through this institution Philip II strengthened his control over

the elite of Upper Macedonia and promoted the consolidation of the kingdom. Another function of the institution was to prepare administrative and military personnel for the needs of the army and the state apparatus. The training of the “royal youths” took place largely through practical participation in guarding the king, hunting, military campaigns, religious rituals, and court banquets. In this way, the youths acquired skills necessary for military activity and were able to observe how decisions concerning military command and administrative governance were made, how international negotiations were conducted, and how interpersonal interaction functioned within the highest circles of the Argead state. It is noted that the principal purpose of involving the youths in the service of the royal household was the formation of discipline. Punishments and rewards, which were closely connected with this aspect of education, remained the exclusive prerogative of the monarch himself. The education of the “royal youths” also included a broader cultural component consisting of the study of philosophy, literature, and natural science, in which Greek intellectuals present at the Macedonian royal court played an important role. The article concludes that the institution proved generally effective. Many individuals who passed through it later distinguished themselves as outstanding commanders during Alexander’s Eastern campaign and in the era of the Diadochi, while some also demonstrated abilities in literary activity.